
МОДЕЛИРОВАНИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

В.В. Корнильев

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.7

ОТ БЕСПОРЯДКА К КОЛЛЕКТИВНОМУ БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

Аннотация. Предположение З. Фрейда о существовании высокой амбивалентности у первобытных людей обосновывается в традициях психоаналитической концепции. Высокая степень амбивалентности коррелирует со степенью общественной приобщенности к культуре магии. Условия её существования говорят о наличии высокой амбивалентности, которая, однако, приобретает в ходе исследования ряд новых качеств значимых для человеческой эволюции. Также динамика амбивалентности исторически параллельна динамике религиозных и магических изменений в цивилизации. Эти взаимосвязи объясняются положением К. Юнга о коллективном бессознательном и рядом предположений об истории существования коллективного бессознательного. Однако при рассмотрении ясно, что положение о высокой амбивалентности значимо более не в вопросе о происхождении человека, а в свете анализа сегодняшних массовых катаклизмов культуры, которые, если проанализировать их на основе характеристик и особенностей системы как философского понятия, приложенном к психической реальности, могут предполагать большие катаклизмы и преобразования.

Ключевые слова: психология, амбивалентность, бессознательное, антропогенез, магия, психоанализ, эволюция, религия, стремление, энергия.

Интенсивно развиваясь последнее столетие, психоанализ произвел ряд философских вложений в вопросы антропогенеза и культурогенеза, занимая тем самым всё более значимое положение в системе наук. Первые шаги были, как известно, совершены основателем психоаналитического направления Зигмундом Фрейдом, который исследовал вопросы происхождения культуры, религии и человека с новой на тот момент позиции — с учётом, а лучше сказать, исходя из введенного им положения о наличии бессознательного в структуре человеческой психики. Данное положение предоставляло возможность раскрыть вопрос о происхождении человека, согласуя его с фактами поведения человекообразных обезьян, предоставленных Ч. Дарвином. Тем самым частично решался вопрос о том, что детерминировало развитие человека в процессе эволюции (З. Фрейд считал бессознательное первичной психической структурой) и реализовывалось желание исследователя приблизить своё учение к классу точных, естественных наук, согласовав его с одной из них. Подобное раскрытие вопроса основатель психоанализа произвёл, написав работу «Тотем и табу». В ней, производя сбор информации об обычаях древнейших племён и цивилизаций, о невротических реакциях современного человека и его комплексах, З. Фрейд выявил аналогию между проявлениями невроза навязчивости и отношениями

существующими внутри племени и закреплёнными понятием «табу». В той же работе производится соотнесение внутриплеменных отношений древних людей и отношений, существующих внутри стада обезьян описанных Ч. Дарвином. Дальнейшее раскрытие темы ученый произвел в работах: «Будущее одной иллюзии», «Человек Моисей и монотеистическая религия: три очерка». И если в работе «Тотем и табу» речь идет об анимизме и тотемизме как культурном проявлении человечества, то данные работы направлены на описание монотеизма. Во множестве других работ З. Фрейд впоследствии пытается описать с учетом положения о бессознательном такие явления как: искусство и война.

Однако анализ, проведенный З. Фрейдом, как и многие его другие работы, не избежал критики общественности, ибо, несмотря на то, что психоанализ как метод лечения и как теоретическая модель психики со временем принимался обществом все более широко, новые положения и новое его развитие вызывали возмущение, так как в корне подрывали популярные представления о человеке, культуре, религии. В данном случае нет необходимости снова останавливаться на тех недостатках или недопониманиях, которые были выявлены или сформированы другими исследователями и общественностью. Ни они, ни форма классического психоанализа со временем не изме-

нились, ни количественно, ни качественно. Единственно, в совокупности с добросовестностью научного интереса эта критика произвела ряд изменений, переосмыслений классического психоанализа и привела к созданию новых направлений и течений глубинной психологии.

Исходя из этого, мы ставим себе задачу: выявить и разрешить те вопросы, которые возникают внутри самого классического психоанализа, а не на его стыке с иными научными и культурными представлениями. То есть обнаружить нелогичность или логическую недостаточность рассуждений ученого в этом вопросе и разрешить или углубить эту недостаточность в русле созданной им научной концепции.

В этой работе будет рассматриваться именно вопрос культуригенеза и происхождения религии с позиции классического психоанализа. Данная, в случае успеха, корректировка теоретической основы, вероятно, позволит отклониться от определенных сильно критикуемых позиций психоанализа, оставаясь в русле его базовых положений и представлений. К тому же работы подобного рода, возможно, со временем будут способствовать не только корректировке или созданию новых методов лечения, но и укреплению взаимопонимания и сближению в представлениях представителей различных направлений внутри глубинной психологии.

Основные допущения и структурные неточности концепции З. Фрейда

Первое допущение

Мы начинаем с обозначения и раскрытия ряда положений о культуригенезе в работах З. Фрейда. Несмотря на достаточную обстоятельность трудов, внимание привлекают положения, принятые ученым как исходная данность, и поэтому не дающие закрыть ряд вопросов в рамках данной психологической парадигмы. Об этих положениях ученый сам упоминает в своих трудах как о допущениях и приводит основания только, подкрепляющие и допускающие данные положения. Последовательно отмечая и раскрывая слабые места этих положений, нам, возможно, удастся найти некое их общее слабое место, и тогда поставленная задача, вероятно, разрешится без излишнего большого числа различных теоретических нагромождений и без избытка сложных логических связей между элементами теории. Также есть возможность установить причинную связь между слабыми местами изучаемых допущений и впоследствии воссоздать, опять же, лишь небольшой недостающий кусок психоаналитической парадигмы.

Первое из обсуждаемых положений — идея о существовании высокой степени амбивалентности чувств,

существующих у древнейших народностей, которая со временем снижается настолько сильно, насколько отличается современный человек в плане соблюдения запретов и предписаний от дикаря. Это положение является основой для создания теории о происхождении тотемов и табу у древних племён и ряде странных для современного человека обычаев, связанных с системой управления и взаимоотношениями родственников. «Но благодаря этому примеру можно было бы прийти к предположению, что в душевных побуждениях первобытных людей, в общем и целом, следует допустить более высокую степень амбивалентности, чем та, которую можно выявить у ныне живущего культурного человека. С уменьшением степени амбивалентности исчезло также табу, компромиссный симптом конфликта амбивалентности»¹.

Собственно, данное заключение приводится З. Фрейдом после изучения самого понятия „табу“, которое имеет двуликое значение святого и демонического, суть раздвоенности которого описывает именно термин „амбивалентность“. Оспаривая точку зрения В. Вундта о некоем „естественном“ происхождении чувствования и выделения дьявольского в сознании древних народов, З. Фрейд обращает внимание на двусмысленное отношение ко всему табуированному в жизни дикарей: властителей, мертвых и обращению с врагами². Однако, по справедливости, ученый более обратил внимание на одно допущение и заменил его собственным, но вместе с тем включенным в свою, более значительную и развитую концепцию, что не отменяет его заслуги. В итоге же два понятия: „святость“ и „демоническое“, были заменены понятием „амбивалентность“, и необходимость объяснить происхождение осталась на месте. Об этом аналитик отмечает в контексте своих рассуждений о совести, что «именно такую особенность обнаруживает отношение дикарей к табу; табу — это веление совести, его нарушение порождает сильнейшее чувство вины, которое является столь же совершенно естественным, как и неизвестным по своему происхождению»³.

Внутри данного допущения имеется еще одно, взаимно связанное с первым и одновременно с третьим, выявленном нами допущением. Это, собственно положение о том, что степень амбивалентности была высокой и вместе с тем, что эта степень амбивалентности изменилась. Впрочем, второй вывод более похож на наше предвзято-критическое отношение, ибо З. Фрейд делает его уже после того, как устанавливает психологическую взаимосвязь между табу, запретом в его самом общем смысле, и амбивалент-

¹ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с. С. 67.

² Там же. С. 39-53.

³ Там же. С. 69.

ностью. И все же не стоит упускать возможность отметить наряду с остальным, что инструментальное или культурное выражение амбивалентности, в принципе, могло измениться, хотя видимых прямых и даже косвенных причин для этого не наблюдается.

Первая же часть нашего дополнительного замечания о высокой амбивалентности обращает внимание на то, что степень амбивалентности *может* меняться и имеет величину. То есть, что это динамическая в количественном плане характеристика и потому, вероятно, участвует в эволюционном процессе психики. Предсмотрительно ученый в приведенной цитате пишет: «следует допустить».

Второе и третье допущения

Теперь следует перейти к упомянутому второму, или уже третьему, допущению автора «Тотем и табу». Третье положение заключается в допущении того, что психическое новообразование закрепляется в человеке из поколения в поколение. В некотором роде это переформулированный вывод о том, что амбивалентность участвует в эволюционном процессе. Однако нам этот факт важен в связи с основной идеей, развиваемой в труде, о том, что однажды возникшая потребность в создании тотема перешла в следующие поколения в виде поддержания установленных ранее табу и сохранения отношения к тотему. «Прежде всего, нельзя было не заметить, что мы повсюду кладем в основу предположение о существовании массовой психики, в которой осуществляются те же душевные процессы, что и в жизни отдельного человека. В первую очередь, мы допустили, что сознание вины за содеянное продолжает жить в поколениях, которые об этом деянии ничего знать не могли». ⁴ То есть форма отношений, которая сложилась в одном поколении между родственниками, в следующем поколении поддерживается не только примером предыдущего поколения, но и зафиксированной в психике «эмоциональной детерминанте», которая заставляет поступать человека тем же образом, несмотря на отсутствие действительных причин. В качестве естественного обоснования этой позиции З. Фрейд говорит следующее: «Если бы психические процессы одного поколения не продолжались в следующем, и каждое из них должно было бы заново приобретать свою установку в отношении к жизни, то в этой области не было бы никакого прогресса, равно как и никакого развития» ⁵. Эта пока неуместная, на первый взгляд, цитата окажется нам необходимой для последующего указания, на то, что З. Фрейд, как сторонник

точного знания и эволюционной теории, упустил возможность попробовать распространить принцип эволюции на еще один параметр человеческой психики.

Таким образом, имеется приблизительно три „слабых“ пункта теории, если подходить к этому вопросу исключительно внутри самой психоаналитической парадигмы. Задача заключается в том, чтобы, если не оправдать данные допущения, то, по возможности, развить их в русле классических психоаналитических идей.

Но прежде чем приступить к этому, необходимо сделать ещё одно последнее замечание, которое описывает более стиль или научный подход исследователя, а именно то, на каком уровне он выстраивает логические взаимосвязи. В процессе интерпретации культурно-исторических явлений для основателя психоанализа ключевым критерием является возможность включить исследуемое явление в совокупность процессов, запускаемых в период проживания, лучше сказать, обострения, эдипального комплекса. Это четко выводится в работе 1907 года „Навязчивые действия и религиозные отправления“. «После выявления этих соответствий и аналогий можно, пожалуй, взять на себя смелость сказать, что невроз навязчивости следует понимать как патологический эквивалент религиозного образования, невроз — как индивидуальную религиозность, а религию — как всеобщий невроз навязчивости» ⁶. То есть эдипальный комплекс выступает, судя по рассуждениям З. Фрейда, основанием для объяснения эволюционного процесса. Однако сам по себе эдипов комплекс не имеет никакой исторической ценности, и изменения, претерпеваемые им, не являются примером его эволюции, а лишь следствием внешнего влияния культуры, которая им же, собственно, и была преобразована.

З. Фрейд, производя подобного рода исторический анализ, в качестве основания своей теории избрал аналогию и сходство фактов, явлений, сходство их значения и предназначения. Так табуирование определённых действий находило свою аналогию в совершении навязчивых «церемоний», само свойство табуированности имело качества сходные с явлением смещения бессознательных связей у невротиков. «К оценке этого факта (боязни инцеста у дикарей) мы можем добавить утверждение, что он представляет собой типичную инфантильную черту и обнаруживает явное сходство с душевной жизнью невротиков» ⁷.

Проведение множества таких аналогий даёт все же нам право лишь определить наличие некоего психического процесса или явления, которое протянулось через

⁴ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с. С. 154.

⁵ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с. С. 154.

⁶ Фрейд З. Человек Моисей: психология религии. М.: Академический проект, 2007. 186 с.

⁷ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А. М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с. С. 20.

всю историю развития человечества до наших дней, с одним сомнительным, и пока непонятно в какой связи с ними находящимся, процессом снижения степени амбивалентности. Из этого следует, что положение о высоком уровне амбивалентности у древних людей имеет для нас ключевое значение. В случае успешного обоснования его существования, то есть разъяснения, что под ним подразумевает природа, появится возможность придать смысл и изменению уровня амбивалентности, а, следовательно, и различным культурным проявлениям. Процесс такого рода, такой протяжённости и устойчивости должен иметь заметное основание для существования. Для его формулировки необходимо подняться на более фундаментальный и абстрактный уровень построений.

Эдипов комплекс, который З. Фрейд, вероятно, считал двигателем эволюции, который реализуясь устойчиво новым способом, приближал наше поведение к социальному, на деле только инструмент или метод, так как эволюция не имеет четкого „маршрута“ на основе прогнозов и теоретических построений, предполагающих высокий уровень социализации. Эволюция движима действительным положением вещей и фундаментальными тенденциями, которые преимущественно выстраиваются физикой и метафизикой. В труде же „Тотем и табу“ обоснования и выводы проводятся именно на уровне и с помощью понятий такого типа. «Таким образом, преобладание сексуальных компонентов влечений над социальными является характерным моментом невроза. Но сами социальные влечения возникли в результате объединения эгоистических и эротических компонентов в особые единицы»⁸. Как видно, З. Фрейд считает эдипов комплекс объективно необходимым и значимым в жизни каждого индивида.

Однако если мы зададимся вопросом о том, как это согласуется с представлениями о течении эволюции, то увидим, что эдипов комплекс, приобретающий значение всегда в частном случае — в истории одного поколения — не является прямым эволюционным образованием. И это указывает на тот единственный факт, что эдипов комплекс является выражением или следствием некоего иного параметра человеческого существа.

Таким ходом рассуждения мы обозначили необходимые пункты и положения классической психоаналитической концепции, которые позволят нам сформулировать вопрос, от которого разовьется дальнейшее рассуждение. Что детерминирует процесс психической — и косвенно физической — эволюции человека в соответствии с пониманием реальности с позиции классического психоанализа? Решить этот вопрос — задача более метафизическая, однако входит в число задач глубинной психологии как особого направления.

Энергетические следствия высокой амбивалентности

Сделанные нами замечания ведут нас к всё более фундаментальным положениям и понятиям классической психоаналитической теории. Следует обратиться к выводам глубинной психологии, которые касаются и объясняют наибольшее количество явлений известного нам мира. Таковой материал находится в труде 1920 г. «По ту сторону принципа удовольствия». В этой работе З. Фрейд выводит свое исследование именно за рамки обсуждения человеческого индивида и намечает то головное сходство с другими живыми организмами, которое роднит человека с царством животных. Начиная с рассуждения о том, что доставляет человеку удовольствие, каковы его характерные черты проявления психоаналитик приходит к следующему выводу. «Если работа душевного аппарата направлена на удержание количества возбуждения на низком уровне, то все, что его может повысить должно ощущаться как нечто нефункциональное, то есть как неприятное»⁹. И в последствии добавляется еще одно отличное, но имеющее общую основу суждение: «С самого начала элементарное живое существо не хотело бы изменяться, при неизменных условиях всегда повторяло бы один и тот же жизненный путь»¹⁰. Если же обобщать эти и другие выводы, сделанные в упомянутой работе, то в целом, автор говорит о стремлении всякого вида живой материи к статичному или инертному существованию, которое характерно малым возбуждением и низкой активностью, или же ее сильной упорядоченностью, которая является неотъемлемой характеристикой движения энергии и активности организма. Это очевидно, так как неупорядоченная энергия, являющаяся свободной, оказывает непредсказуемые воздействия, провоцируя напряжение и реактивные действия организма. (Вопрос о рассмотрении понятия упорядоченности совместно с психической энергией вероятно широк для простого упоминания, однако не входит в ряд задач данной статьи, и приходится временно обойтись исключительно логическим заключением.) Стремление к удовольствию же раскрывается в удовлетворении, получаемом от процесса снижения напряжения в организме, то есть при очевидной реализации базового стремления живого организма.

Имея в распоряжении такой теоретический ресурс, мы можем уже представить возможный вариант концептуально решения в обозначенных условиях. Делается предположение о том, что процесс эволюции психики детерминируется именно стремлением организма снизить

⁸ Фрейд З. Указ. соч. С. 73.

⁹ Там же. 230 с. С. 74.

¹⁰ Там же. С. 103.

уровень напряжения, закрепляя это состояние как отличительный видовой признак, тем самым продвигаясь в процессе эволюции к состоянию инертности или покоя.

Амбивалентность и интенсивность влечения

Первое, что представляется необходимым сделать, это ответить на вопрос: можно ли обнаружить без дополнительной информации взаимосвязь между высокой степенью амбивалентности и пребыванием организма в состоянии сильного возбуждения. Явление амбивалентности характеризуется, как известно, наличием двух противоположных характеристик одного качества в одно и то же время. В случае глубинной психологии имеется в виду наличие двух противоположных вариантов чувственного отношения к предметам и существам, в частности и отношение индивида к себе самому.

В контексте приведенных фактов стоит отметить, что достаточно широкому обсуждению тема амбивалентности была подвержена — хоть и не конкретно — в работе «По ту сторону принципа удовольствия». Этот труд значительно раскрывает вопрос двойственного влечения человека. Влечение к смерти и влечение к жизни были его акцентированным моментом. Наличие этой двойственности З. Фрейд выводил именно из стремления организма сохранить свое состояние, свой стабильный жизненный цикл, алгоритмы действий и преображений.

Дает ли нам это возможность говорить о том, что эти влечения есть также выражение высокой амбивалентности? Возможно, однако, как и в случае поиска связи между возбужденным состоянием и амбивалентностью, не хватает определенных звеньев. По сути, состояние возбуждения и состояние влечения есть состояния почти тождественные, только состояние возбуждения может иметь количественное выражение, и потому оно ближе в сопоставлении с понятием амбивалентности, которое также, по мнению З. Фрейда, может количественно характеризовать объект. Сейчас нет необходимости задаваться вопросом, что было первым Феникс или огонь, то есть, что есть чему причина: влечение возбуждению или возбуждение влечению. Хотя это вопрос открыт, нас интересует: было ли что-либо из них причиной высокой степени амбивалентности у древнего человека.

Более вероятно, исходя из простых логических рассуждения, что причиной амбивалентности должно быть состояние возбуждения, ибо по своим свойствам и характеристикам оно гораздо более отлично от амбивалентности, чем двойственное влечение, которое, таким образом, скорее является вариантом выражения амбивалентности или вообще имеет очень слабое к ней отношение.

Что же общего содержат понятия возбуждения и амбивалентности? Наиболее явно их соответствие может

выражать их энергетический эквивалент. То есть, как они характеризуют индивида с точки зрения его энергетического потенциала. В отношении состояния возбуждения мы имеем четкую положительную корреляцию, которая говорит о том, что чем сильнее возбуждение, тем больше энергии актуализируется в организме, тем, следовательно, сильнее его стремление вернуться в статическое равновесное состояние (базовое влечение всех живых организмов по Фрейду). Если же мы говорим о понятии степени амбивалентности, то вывод об объеме энергии должен быть аналогичный, однако его причины не так явственны как в первом случае. Известно положение о синхронном возрастании или спаде силы двух противоположных чувств. В невротическом варианте преумножение силы любовного чувства обязано положительно коррелировать с силой скрытой ненависти. Но что же следует предположить в качестве причины такого явления?

Нельзя скрыть очевидной аналогии, которая просматривается с теоретическими положениями квантовой физики о происхождении энергии. Теоретики естественнонаучного знания после обнаружения античастиц во вселенной сделали предположение о парном происхождении двух типов частиц (электрон и антиэлектрон, кварк и антикварк и т.п.) при возбуждении нейтральной, энергетически пустой материи, которой вероятно является вакуум. При слиянии эти пары частиц аннигилируют и исчезают, производя в момент слияния вспышку электромагнитных волн (осуществляют возбуждение точки пространства). После же образования множества пар частиц, стимулированного неким возбуждением или раздражением точки пространства, действие физических законов образует их дисбаланс во вселенной, благодаря чему она, собственно, и существует, а не исчезла во вспышке электромагнитного излучения¹¹ (подробнее об этом С. Хокинг). Большое множество сопутствующих предположений, намеков, исследований может быть положено в русле рассуждений такого рода. Принцип Паули, второй закон термодинамики, „психологическая“ стрела времени, принцип Гейзенберга, законы квантовой механики — все это то, за чем множество психологов сегодня обращается к естественнонаучным знаниям¹².

Наш следующий вопрос очевиден: может ли амбивалентность зависеть количественно от силы возбуждения и интенсивности стремления к состоянию покоя и стабильности? Прямая зависимость, естественно, невозможна, ибо о происхождении противоположных чувств

¹¹ Хокинг С.У. Черные дыры и молодые вселенные. СПб: Амфора, ТИД Амфора, 2004. 189 с.

¹² Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4; Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология, т. 1). СПб: Изд-во ДНК, 2000. 528 с.

нам доподлинно известно из работ З. Фрейда, причиной их выступает эдипальный комплекс, в некотором смысле нами раскритикованный. Однако количественная характеристика степени амбивалентности имеет все возможности быть обусловленной интенсивностью и силой влечения, руководящего индивидом. Для обнаружения взаимосвязи необходимо получить некую энергетическую характеристику о древнем человеке. В случае если уровень его энергетического потенциала высок, мы сможем сделать заключение о том, что сила его влечения так же высока, так как уже было сформулировано положение о том, что обладая большим количеством свободной энергии, организм менее близок к состоянию стабильности и покоя, следовательно, его стремление — самое базовое, в общем виде выраженное стремление — к снижению возбуждения и получению удовольствия от этого процесса, является наиболее высоким. Таким образом, высокая амбивалентность является следствием высоко энергетического потенциала, которого человек стремится избежать. В этом случае процесс изменения амбивалентности будет обоснован в связи с процессом эволюционного продвижения к состоянию низкой возбужденности.

Такое достаточно лаконичное логическое заключение мы сможем сделать, однако, если покажем, что энергетический потенциал древнего человека был велик и больше того, какой имеет современный человек. Для поиска необходимого материала мы снова обращаемся к работе З. Фрейда „Тотем и табу“, но на этот раз к разделу „Анимизм, магия и всемогущество мыслей“.

Почему сильная амбивалентность свойственна первобытным людям

Раздел работы посвящен разведению понятий «магия» и «колдовство», описанию типов их проявлении и рассмотрению особых видов мировосприятия древних людей, в частности, анимизма. Анимизм в понимании Фрейда представляет собой одну из трех парадигм: двух некогда существовавших и одной существующей в наше время. Это научная, религиозная и анимистическая картины мира. Анимистическая картина отличается тем, что в ней древний человек тотально одухотворяет весь окружающий мир. В его понимании растения, животные и предметы — все одухотворены, и им необходим тот же почет и уважение как к носителю души, как и к человеку. Всему вокруг принадлежит одна душа, она имеется в каждом объекте, который можно выделить и в каждом проявляется. Ходя для определения такого понимания природы, Фрейд использует понятие «анимализм»¹³.

¹³ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с.

Колдовство отличает от магии то, что оно является чудотворством, имеющем в своем основании обращение к духам. «В таком случае колдовство, в сущности, будет искусство влиять на духов, обращаясь с ними так, как при таких же условиях поступают с людьми, то есть их успокаивая, примиряя, располагая к себе...»¹⁴ Относительно магии имеется более пространное определение, однако довольно точное. Оно в случае Фрейда заимствовано у Э.Б. Тейлора: „Ошибочное принятие идеальной взаимосвязи за реальную“. Магия имеет гораздо более широкий спектр применения, чем колдовство. Она подчинена множеству целей и всего двум принципам: подобию или контагиозности. Притом подобие или контагиозность используются независимо, определяя тем самым один из противопоставляемых видов магии.

В контексте нашего рассуждения нам, естественно, необходимо обратиться именно к магии, т.к. колдовство менее старо и, что важнее, имеет основание в духах, которые стали результатом высокой амбивалентности, свидетельство которой стоит под сомнением и нуждается в подтверждении. Известно, что Фрейд свел магию и колдовство на счет первобытного нарциссизма, свойственного людям древности и который на сегодняшний день свойственен стадии нарцисизма в развитии ребенка. «Если в доказательстве всемогущества мыслей у первобытных людей мы вправе усмотреть свидетельство нарцисизма, то можем попытаться сравнить ступени развития человеческого мировоззрения со стадиями либидозного развития отдельного человека»¹⁵.

Однако верно ли объяснять возникновение магии „интеллектуальным нарцисизмом“? Верно ли, что психический невротизм заставляет оценить ситуацию столь неадекватно? Из клинической практики психоанализа явственно видно, что невротик в своих действиях никогда не является абсолютно бесосновательным, в том плане, что возможности своих действий он всегда чем-либо подкрепляет. Часто этот находимый им фактор маловероятен, но объективен, пусть даже исключителен по отношению к нему. Такое же основание должен иметь и первобытный человек, его магия должна основываться больше чем на дефекте его психики и желании, например, вызвать дождь. Магия, которой пользуется первобытный индивид требует от него определенного качества. При том стоит предположить, что для магии гомеопатической (на основе подобию) и контагиозной это условие едино, к сожалению, на это есть только две незавидные причины: условное предположение, что эти два вида появились в одно время и благоприятное сужение поиска.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с. С. 89.

Условие свершения магии само по себе предположить трудно, поэтому следует предположить наиболее очевидное условие, которое является условием для всех действий. Это наличие энергии достаточной для совершения какого-либо действия. Энергия эта притом может быть традиционно разведена на два типа: физическая и психическая. В логическом основании очевидно, что магия будет требовать затрат как физической так и психической энергии, притом психических затрат предполагается в разы больше на том основании, что первобытному человеку предстоит мысленное воссоздание желаемого, его постепенное воплощение, призвание, формирование из ничего. „Всемогущество мыслей“, как это было названо ученым, предполагает всемогущий запас энергии. Древний человек должен бессознательно ощущать в себе этот резервуар психических сил. Именно здесь мы прикоснулись к подтверждениям того, что древние люди обладали высокой степенью амбивалентности, что она им была необходима, характерна (так как это более ранние этапы развития человека и продвижение к воссозданию состояния покоя и инертности прогрессировало более короткий срок) и они ею пользовались. Ибо раннее, мы проводили линейную взаимосвязь между количественной характеристикой амбивалентности и общим энергетическим потенциалом, который был выражен также через интенсивность влечений.

Таким образом, первобытный человек, вероятно, действительно обладал высокой энергетикой, высокой интенсивностью влечений и высокой амбивалентностью. Это положение имеет исторический смысл и некоторые основания в истории культуры. Однако, если нам частично удалось оправдать положения Фрейда об исходных условиях возникновения человека, то далее предстоит выяснить: имеется ли предположения им динамика в психических характеристиках амбивалентности человека. Здесь стоит отметить, что предложенные доказательства теряют часть своей убедительности перед тем фактом, что феномен магии и всемогущества мыслей вовсе не относится к тому стаду обезьян, которые в один момент, в силу устоев своего совместного выживания, выделенных Чарльзом Дарвином, совершили убийство отца, а высокая степень амбивалентности сподвигла их к раскаянию. Приведенные доказательства относятся к уже в достаточной степени оформившемуся человеку, которой значительно далек от членов того стада, и это еще снижает вероятность достоверности нашего рассуждения. Однако стоит отметить и то, что наше доказательство, как и обозначенные проблемы, носит динамический характер и поэтому не обязует собирать полную совокупность сведений, а лишь вычленив ряд взаимосвязанных по смыслу элементов.

К вопросу о динамике уровня амбивалентности у человека

Теперь же предстоит обратиться к гораздо более известному и многозначному периоду современности. Ибо как указано выше, наш ответ предполагает динамическое рассмотрение качеств. И всё-таки, необходимо признаться самим себе, что для подобного анализа современности, который помог бы в обнаружении фактов, свидетельствующих о низком уровне амбивалентности, нам, вероятно, не хватит сил и возможностей охватить все сферы возможного проявления искомым нами качеств. Система и структура культуры сегодня чрезвычайно сложна и многогранна, и единственно способ найти необходимый, вероятный вектор исследования это проследить преобразования культуры магии и ее вкрапления в дальнейшее формирование и развитие общества и культуры.

Возвращаясь к исследуемому нами труду «Тотем и табу», воспользуемся следующим фактом: в самых первых и проистекших практиках магического дела принимали достаточно равноправное между собой участие все члены племени, они имели различные задачи и ответственность, однако их вклад был в конечном итоге равнозначен и одинаково весом. Дети, остающиеся дома, их отцы, идущие на охоту, их матери занятые хозяйством — все имели определенные предписания и задачи¹⁶. Известно же как со временем ситуация изменилась. Со временем внутри еще анимистической парадигмы сформировался шаманизм, затем он развивался и усложнился внутри языческих религий, постепенно чудотворство было принято в лоно церковных и мусульманских традиций, и к действительной современности образовался весьма пёстрый набор различных религиозных объединений различного масштаба, различной значимости и подлинности и иных общественных объединений¹⁷. Последние уже не все могут манифестировать некую магическую традицию. Некоторые занимаются манипуляциями и жульничеством. Но возвращаясь к поднятой теме: нам интересен постепенный уход магии из быта обычных людей и ее переход в компетенцию волхвов, вождей, шаманов. Затем, прослеживается путь дальше, магия стала достоянием богов, мифических существ, уже к этому моменту значительно видоизменившись и привнеся в себя множество того, что слабо походит на магию в ее первообразе. Постепенно с приходом мессий и пророков магия как деятельность для живущих на земле людей стала архаизмом, и на ее место встало уже почти ничем не похожее на нее чудотворство святых и богов.

¹⁶ Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с.

¹⁷ Имеются в виду секты, маргинально-религиозные группы.

Такое стремительное преобразования не может быть упущено из виду. Ведь история преображения магии предъявляет наспех зарисованную нами последовательность даже в периоды самого качественного преобразования (фактическое сужение круга людей приобщенных к магической деятельности) магии, а именно: при произведении на свет нового религиозного понимания мира и бога¹⁸.

Итак, намеченное нами рассуждение такого. В течение первого периода своего существования магия являлась деятельностью приемлемой и свойственной для всех членов племени. В равной мере перед первобытными людьми стояла одинаковая ответственность, заключающаяся в выполнении им определенных магических действий или ограничений для избегания некоего неблагоприятного магического воздействия. Действия и их функции различались в связи с полом, возрастом и видом деятельности, которым отличался то или иной член племени или рода. Задачи найти смысл этих действий перед нами не стоит в данный момент, хотя описание в различных трудах психоаналитиков разных поколений и направлений не приходят к единой интерпретации различных магических действий и обрядов, хотя все они и не выбиваются за рамки аксиом принятых психоанализом от начала его формирования.

Однако нам необходимо задаться вопросом: что и почему произошло при смещении обычая пользоваться магией и колдовством с членов всего племени на фигуры одного или нескольких людей. Для начала, конечно, необходимо сделать замечание, что магия в её первообразном воплощении не уходила из жизни людей вероятно никогда, как в момент перехода компетенции на ее использование шаманам, жрецам, волхвам и колдунам так и в настоящее время. Практика использования оберегов, талисманов, магических знаков и символов существует по сей день в весьма распространенной форме, хоть и немногие из использующих её действительно пытаются в ней разобраться глубоко с культурногенетической точки зрения. Так же известным широко фактом является использование такого рода магии первобытными людьми, людьми античности, средних веков и так далее, вплоть до нашего времени, постепенно отдаляясь, но сегодня, вероятно, вновь приближаясь к её культурному и историческому значению и функциям, преобразению и возрождению способов применения.

И тем не менее, часть членов племени передает свои магические полномочия определенному человеку или группе людей, которые с того момента не только обла-

дают иными возможностями и положением, но и имеют особое отношение членов племени. На них налагается ряд табу, осложняющих их взаимоотношения с другими людьми. Иным образом начинает складываться ситуация несколько позднее, в период политеизма. На этом этапе дальнейшее отчуждение магии от обычного человека происходит путем привязывания магического, и уже более, колдовского мастерства к некоему высшему созданию и человеку, который имеет возможность сблизиться с ним духовно и получить его знания или силу. Впоследствии происходит определенная дифференциация этих людей на два типа: тех, кто берет на себя обязанности выполнять определенные обряды во время празднеств и священнодействий, как то жрецы или волхвы, и тех, кто глубже приобщается к божественной сути, вступает в общение с богами и совершает разного рода чудеса. Именно к ним, ведущим уединенный или вовсе отшельнический образ жизни, позднее обращаются герои греческого эпоса и мифов, и легенд иных культур, в числе которых оракулы, нимфы, полубожественные существа, фавны и т.п.

Последним же наиболее решающим этапом отчуждения колдовства и магии из жизни людей является воздвижение таких мировых конфессий как христианство, мусульманство и буддизм. В них человек дистанцировался от магии максимально далеко, сделав её единственно возможной в деяниях бога. Ведь и то, что происходит с пророками, святыми и мессиями причисляется к деяниям бога по признанию и участников и свидетельствующих. Таким образом, магия, ориентируясь на проведенный наспех нами исторический срез, была максимально упразднена в жизни людей и переведена в компетенцию бога. К какому же выводу мы приближаемся, соотнося этот факт с проблемой динамики степени амбивалентности. Человек на протяжении истории все меньше и меньше использовал потенциал своей психической энергии, что свидетельствует о постепенном снижении степени амбивалентности. Это было детерминировано стремлением человека снизить количество неупорядоченной, противодействующей психической энергии и продвигаться к состоянию минимального возбуждения и инертного существования. Это так же подтверждает сильный эволюционный сдвиг человека в плане социализации и снижения количества невротических проявлений. В соответствии с представлениями Фрейда интенсивность собственных влечений и стремлений была редуцирована, а уход из жизни людей табу свидетельствует о значительной нормализации их психического здоровья.

О механизме изменения уровня амбивалентности

Но ряд возникающих вопросов в связи с этим заключением очевиден. Во-первых, не очевиден сам механизм

¹⁸ Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве / Пер. с нем. Р. Додельцева, М. Попова. СПб: Азбука-классика, 2012. 224 с. (Имеется в виду включенный в сборник труд о Моисее Микеланджело).

перехода психической энергии и роль в этом процессе людей, продолжающих быть связанными с магией и колдовством, во-вторых, нельзя оставить без внимания настолько яркие проявления человеческой амбивалентности как, например, война или сексуальная революция. И если нам не предстоит ответить на них в ближайшее время, то есть возможность сделать попытку. Учитывая сразу два положения: о снижении степени амбивалентности и о передаче права на магию и колдовство отдельному человеку, есть только одно научное положение, которое может быть использовано. Это достижение Карла Густава Юнга и его открытие коллективного бессознательного, единственного из психических феноменов, которое обладает списком необходимых параметров. Коллективное бессознательное является психическим резервуаром, доступным и вступающим во взаимодействие с каждым отдельным человеком, что позволяет предположить варианты того необъяснимого психического взаимодействия племени и шамана¹⁹. В начальный период существования человечества коллективное бессознательное должно было отличаться скудностью содержания и в значительной мере более низкой *массовостью* и *интенсивностью* воздействия на группы людей, что явствует из того, что время бытия человечества на тот момент было еще мало и характерно скудностью психического опыта и энергии.

Такое положение вещей весьма благоприятно для пояснения возникших пробелов нашего рассуждения. Коллективное бессознательное в начале своего существования начинает в ходе истории заполняться психическим опытом и энергией, привносимыми первобытным человеком, который имеет высокий уровень амбивалентности и стремлений, интенсивно накапливает опыт и формирует психические модели и образы. Однако поднимается следующий вопрос: в чем заключается стремление человека не отречься от магической практики, а последовательно переносить её всё в новые и новые формы выражения? И хотя ответ на этот вопрос, вероятно, прост, необходимо его обозначить для точности дальнейшего рассуждения. Магические действия в своем практическом применении являются выходом и реализацией увеличенных энергетических запасов первобытного человека, поэтому он в них нуждается, не будучи способным заставить энергию пропасть саму по себе, чему мешает фундаментальный закон сохранения энергии. Именно поэтому группы людей стремились реализовать эту энергию в отдельных индивидах, а затем и божественных образах, пользуясь для этого резервуаром коллективного бессознательного. И, по всей видимости, само создание моделей и образов такого рода,

которые в течение развития воплотились в образы Аллаха или Будды, являлись реализацией психической энергии и своего рода магической практикой.

В результате рассуждения мы, казалось бы, пришли к некоторым однозначным выводам, говорящим в пользу предположений выдвинутых З. Фрейдом. Относительно амбивалентности, её динамики, невротичности древнего человека, смысла и целей функционирования этих механизмов сложился ряд в определенной мере обоснованных положений. И все же установление взаимосвязи с концепцией К. Юнга должно вызвать определенное возмущение, ибо, несмотря на принадлежность обеих школ к направлению глубинной психологии, они рассматривают во многом принципиально отличные друг от друга основания и механизмы развития психики. Именно поэтому необходимо продолжить и обосновать правомерность установления такой взаимосвязи.

Наше рассуждение оправдывает то, что за время работы мы достаточно сильно отклонились от того понятия амбивалентности Фрейда, которое ученый использовал в своей концепции, и во многом рассуждение ведется относительно просто высокого психоэнергетического потенциала. Теперь этот феномен имеет иное значение, он выступает не как основание происхождения человека, а как элемент громадной значимости во всем психическом мире, его существовании, развитии, катаклизмах и катастрофах. Именно потому все труднее сделать заключение о снижении уровня амбивалентности, даже исходя из рассмотрения динамики такого культурного явления как магия в исторической перспективе. Ибо прослежен был несколько иной процесс иной значимости и свойств. И невозможно, в свете представленных нами же упоминаний о войнах и иных массовых противоречивых потрясениях, что-либо говорить об амбивалентности. Так как все более очевидным становится то, что эволюцией человеческой психики движет гораздо большее, чем стремление к статичному, инертному существованию.

Амбивалентность и цивилизация

Говоря об изменениях в отношении к магии и к её использованию, мы отметили, что возникновение бога является в этом случае результатом концентрирования «излишков» психической энергии в коллективном бессознательном определенного характера, предназначенного для магической самореализации. Это преобразование имеет для человечества огромное значение, однако, не только как формирование массовой культуры, мировой религии или общепринятых догматов и морали. Гораздо большее значение приобретает этот феномен при его своеобразных флуктуациях в жизни людей, которые имеют самые значительные последствия.

¹⁹ Юнг К. Г. Психология бессознательного. М.: АСТ-ЛТД, Канон+, 1998. 400 с.

Для наиболее корректной оценки необходимо соединить воедино, в одной целой модели наши положения об упорядочивании психической энергии и о приращении психического опыта и его отложении в коллективном бессознательном. Тем же мы завершим и откорректируем обоснование нашего предположения о снижении степени амбивалентности у человека в ходе истории. Суть в том, что в начале своего жизненного пути человечество, не обладая определенными объемами опыта, ещё не пришло к тому моменту психического прогресса, когда начали формироваться образы и модели коллективного бессознательного, которые К. Юнг определил понятием «архетипы»²⁰. В таком положении коллективное бессознательное, так или иначе, должно было иметь некоторый энергетический потенциал, который впоследствии и послужил материалом для формирования архетипов. Возможно, он был незначительней, исходя из учёта количества проживающих на тот момент представителей человеческого рода, возможно, эти два параметра никак не коррелируют, но единственно верно, что эта энергия была неорганизована, не структурирована, *неупорядочена*. Это был привнесенный совокупностью индивидов психический заряд, и он принадлежал и был открыт именно *совокупностью индивидов*. Это снова указывает на то, что первобытные люди имели высокую энергетизированность, более сильные стремления и, исходя из этого, более высокую степень амбивалентности, как мы предположили при ссылании на физические концепции, имеющую предпосылку и результат в виде расщепления энергии.

Постепенно, в ходе истории, формируются, возникают и преобразуются архетипы. Коллективное бессознательное преобразуется и систематизируется. Это происходит во многом на том основании, что преобразуется структура человеческого общества, возникают новые формации, новые социальные взаимоотношения, социальные системы, и формирующие их институты. Общество, как и его бессознательное, превращается в систему, и теперь невозможно говорить о принадлежности или возможности доступа отдельного индивида к коллективному бессознательному. В данной ситуации, мир коллективного бессознательного, как организованная система психических потенциалов, становится достоянием всего человечества. Должно соблюдаться некое «соответствие по упорядоченности». Самый важный из этого вывод: человек не имеет доступа к свободной энергии, которая просто повышает степень его психической амбивалентности и энергетизированность (основу магического, как мы предположили). Он включен в общество как в систему и в коллективное бессознательное как в

систему, а система как понятие предполагает достаточно стабильное существование за счет самоорганизации и постоянного поиска точек равновесного существования²¹. Это обязывает вновь обратить внимание на предположение Фрейда о фундаментальном стремлении живого: обрести инертное и стабильное существование, которое здесь, видимо, реализуется.

Однако здесь имеется и иной, более печальный намек на реальные процессы, которые мы развиваем из положения о том, что всякая система, несмотря на постоянный процесс самоорганизации, по мере своего существования накапливает дефекты и ошибки, которые в неопределенный момент выведут систему из равновесного состояния. Они поведут к глобальным, катастрофическим для существующей цивилизации изменениям, которые должны будут полностью разрушить и обновить тип организации системы, приведя её таким образом к новому равновесному состоянию. Это процесс всемирно известен и наблюдаем на примере глобального потепления, которое, как явствует из описания, приводит к катаклизмам, разрухе, вероятно уничтожению человечества и приходу в новую равновесную точку в виде нового ледникового периода.

Но возможно ли применение этой модели к миру психического, к коллективному бессознательному? Здесь пока не представляется никаких ограничивающих нас суждений. И более того общественные катаклизмы, которые переживает человечество в течение последних двух десятилетий, говорит о том, что психическое в своем коллективном представительстве становится непредсказуемым, ущербным, опасным, необъяснимым. Крупнейшие войны, революции политические и культурные, даже имея под собой идейное обоснование — чем могут похвастаться далеко не все события такого рода — не способны себя им оправдать и объяснить ту дикость, которая выплескивается из них как раскаленная лава из вулкана. Опыт второй мировой войны ставит неисчислимо количество вопросов о том, как в считанные мгновения целая нация впала в умопомрачение. И несмотря на колоссальные труды, приложенные к объяснению этого феномена, надо отметить, что все выводы наиболее основательны в области психологических теорий, к усовершенствованию которых и прилагаются наши усилия. А это в свою очередь напоминает об их незавершенности и условности.

* * *

В конечном итоге исследование пришло к тому, что нам пришлось выйти за рамки классической психоаналитической концепции, внутри которой мы обязались работать ради развития самодостаточности отдельных

²⁰ Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. М.: ПБОЮЛ Медков С.Б., 2011. 311 с.

²¹ Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.

её частей. Однако удалось достигнуть более значимый результат, связав некоторые положения различных направлений глубинной психологии, прояснив с их помощью некоторые теоретические недоразумения. Высокая степень амбивалентности, допускаемая Фрейдом у первобытных людей, действительно имела место быть, хотя на это у нас имеются лишь косвенные доказательства, опирающиеся на факты высокой энергетизированности первобытных людей, их интенсивности влечений, исходя из положения о принципе удовольствия и некоторых естественнонаучных теорий. Положения К. Юнга помогли нам описать процесс упорядочивания

психической энергии человека в резервуаре коллективного бессознательного. Об этом свидетельствовал процесс преобразования магического и религиозного в жизни людей, что дало нам повод говорить о действительном продвижении человека в сторону организованного существования его психической энергии. К завершению мы говорим о том, что массовые психические катаклизмы, вероятно, следует рассматривать как результат системной организации психического в коллективном бессознательном, и можно предположить возможность перехода человеческой психики в совершенно иную форму организации.

Список литературы:

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психологика, т. 1). СПб: Изд-во ДНК, 2000. 528 с.
2. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 480 с.
3. Менский М.Б. Концепция сознания в контексте квантовой механики // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4.
4. Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве / Пер. с нем. Р. Додельцева, М. Попова. СПб: Азбука-классика, 2012. 224 с.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. 569 с.
6. Фрейд З. Психика: структура и функционирование. М.: Академический проект, 2007. 230 с.
7. Фрейд З. Тотем и табу / пер. с нем. А.М. Боковиков. М.: Академический проект, 2007. 158 с.
8. Фрейд З. Человек Моисей: психология религии. М.: Академический проект, 2007. 186 с.
9. Фрэзер Дж.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
10. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
11. Хокинг С.У. Черные дыры и молодые вселенные. СПб: Амфора, ТИД Амфора, 2004. 189 с.
12. Юнг К.Г. Алхимия снов. Четыре архетипа. М.: ПБОЮЛ Медков С.Б., 2011. 311 с.
13. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: АСТ-ЛТД, Канон+, 1998. 400 с.

References (transliteration):

1. Allahverdov V.M. Soznanie kak paradoks (Eksperimental'naya psikhologika, t. 1). SPb: Izd-vo DNK, 2000. 528 s.
2. Kun N.A. Legendy i mify Drevney Gretsii. Rostov: Feniks, 1996. 480 s.
3. Menskiy M.B. Kontseptsiya soznaniya v kontekste kvantovoy mekhaniki // Uspekhi fizicheskikh nauk. 2005. T. 175. № 4.
4. Freyd Z. Vospominaniya Leonardo da Vinchi o rannem detstve / Per. s nem. R. Dodel'tseva, M. Popova. SPb: Azbukaklassika, 2012. 224 s.
5. Freyd Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya. M., 1992. 569 s.
6. Freyd Z. Psikhika: struktura i funktsionirovanie. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 230 s.
7. Freyd Z. Totem i tabu / per. s nem. A.M. Bokovikov. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 158 s.
8. Freyd Z. Chelovek Moisey: psikhologiya religii. M.: Akademicheskii proekt, 2007. 186s.
9. Frezer Dzh.D. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii / Per. s angl. M.K. Ryklina. M.: Politizdat, 1980. 831 s.
10. Khaken G. Sinergetika. M.: Mir, 1980. 404 s.
11. Khoking S.U. Chernye dyry i molodye vseennye. SPb: Amfora, TID Amfora, 2004. 189 s.
12. Yung K.G. Alkhimiya snov. Chetyre arkhetipa. M.: PBOYuL Medkov S.B., 2011. 311 s.
13. Yung K.G. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: AST-LTD, Kanon+, 1998. 400 s.